

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

TARTUSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

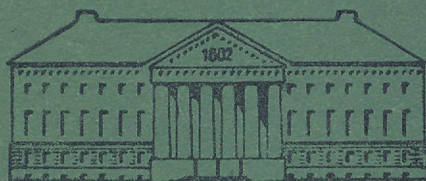
ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 284 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ЗНАКОВЫМ СИСТЕМАМ

V

TARTU 1971

Дорогой

Константину Александровичу Федину
от автора

27.8.72

ОБ ОДНОЙ ПАРАЛЛЕЛИ К ГОГОЛЕВСКОМУ ВИЮ

Вяч. В. Иванов

В недавнее время для выяснения истоков гоголевского образа Вия, оставшихся загадочными¹, были привлечены средства сравнительно-исторической мифологии. В. И. Абаев предположил, что в имени Вия фонетически закономерно отразилось индоевропейское имя бога, соответствующее иранскому Вауи (безжалостное божество в одном из гимнов «Авесты»), осетинскому wæjug 'ваюг, сказочный великан'². Но сближение двух последних слов наталкивается на почти непреодолимые трудности: «Существует слишком большое различие между сравниваемыми понятиями. С одной стороны, индоиранское божество ветра, «доброе Вауи» и «злое Вауи», с другой стороны, целый класс «великанов» и «разрушителей»³. Индо-иранское и индоевропейское божество ветра лишь в одной из двух своих иранских дуа-

¹ См. комментарии В. П. Петрова в кн.: Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1937, стр. 742; там же, а также на стр. 778, см. список предшествующих работ, посвященных этому вопросу. Далее в тексте «Вий» и его рукописные варианты цитируются по этому изданию, страницы указываются в скобках. О загадочности и необъяснимости Вия пишет и Ф. С. Driessen, Gogol as a short-story writer, The Hague, 1965, стр. 161—165.

² В. И. Абаев, Образ Вия в повести Н. В. Гоголя, — «Русский фольклор», III, М.—Л., 1958, стр. 303; Его же, Дохристианская религия алан, М., 1960 (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов), стр. 5—7; Его же, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 111—117.

³ Э. Бенвенист, Очерки по осетинскому языку, М., 1965, стр. 141. Более несомненным представляется выделение омертвело-суффикса в осетинском слове, важное для этого сближения, см.: В. Миллер, Язык осетин, М., 1962, стр. 150, § 95, 7.

Против славяно-иранского сопоставления В. И. Абаева решительно выступил О. Н. Трубачев, Из славяно-иранских лексических отношений, — сб. «Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам», М. 1967, стр. 42—43. Ссылаясь на значение *vii* 'мифическое существо с веками до земли', *vii* 'ресница', *vii*ка 'ресница' по Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, т. 1, Киев, 1907, стр. 236 и 243, О. Н. Трубачев указывает, что «семантическая характеристика укр. *vii* — 'имеющий веки/ресницы' — не позволяет нащупать ничего специфически общего с ир. Вауи» (там же, стр. 43). С этим можно согласиться с той суще-

A 454627